

Сивка-Бурка

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий Иванушка-дурачок; день и ночь дурачок на печи валяется.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам толочь и травить. Вот старик и говорит детям:

— Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь поочередно, поймайте мне вора.

Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать: забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит: всю ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын и также всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед дураку идти. Взял он аркан и пошел. Пришел на межу и сел на камень: сидит — не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал в пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая — серебряная, бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил — не тут-то было. Дурак уперся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

— Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу!

— Хорошо,— отвечает Иванушка-дурачок. — Да как я тебя потом найду?

— Выйди за околицу, — говорит конь, — свистни три раза и крикни: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово — пшеницы больше не есть и не топтать.

Пришел Иванушка домой.

— Ну что, дурак, видел? — спрашивают братья.

— поймал я, — говорит Иванушка, — разношерстного коня. Пообещался он больше не ходить в пшеницу — вот я его и отпустил.

Посмеялись вволю братья над дураком, но только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

Скоро после этого стали по деревням и городам бирючи (глашатай) от царя ходить, клич кликать: собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мещане и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня; берите с собой лучших коней; и кто на своем коне до царевнина терема доскочит и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну замуж отдаст.

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья: не то чтобы уж самим скакать, а хоть на других посмотреть. Просится и Иванушка с ними.

— Куда тебе, дурак! — говорят братья. — Людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья, а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошел грибы брать. Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул:

— Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит — земля дрожит, из ушей пламя, из нозрей дым столбом валит. Прибежал — и стал конь перед Иванушкой как вкопанный.

— Ну, — говорит, — влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом, видит — народу видимо-невидимо; а в высоком терему, у окна, царевна сидит: на руке перстень — цены нет, собой красавица из красавиц. Никто до нее скакать и не думает: никому нет охоты наверняка шею ломать.

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам, осерчал конь, прыгнул — только на три венца до царевнина окна не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад. Братья его не скоро посторонились, так он их шелковой плеткой хлестнул. Кричит народ:

«Держи, держи его!» — а Иванушкин уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил Иванушка коня, набрал лукошко мухоморов и принес домой.

— Вот вам, хозяйюшки, грибков, — говорит.

Рассердились тут невестки на Ивана:

— Что ты, дурак, за грибы принес? Разве тебе одному их есть!

Усмехнулся Иван и опять залез на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели, а Иванушка лежит на печи да посмеивается.

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами. Вышел в поле, свистнул, гаркнул:

— Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Прибежал конь и встал перед Иванушкой как вкопанный.

Перерядился опять Иван и поскакал на площадь. Видит — на площади народу еще больше прежнего; все на царевну любят, а прыгать никто не думает: кому охота шею ломать! Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам, осерчал конь, прыгнул — и только на два венца до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уже на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, и посмеивается.

На третий день братья опять поехали на праздник, прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плеткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул — и достал до окна. Иванушка поцеловал царевну и ускакал, не забывши братьев плеткой огреть. Тут уж и царь и царевна стали кричать: «Держи, держи его!» — а Иванушкин и след простыл.

Пришел Иванушка домой — одна рука тряпкой обмотана.

— Что это у тебя такое? — спрашивают Ивана невестки.

— Да вот, — говорит, — искавши грибов, сучком накололся. — И полез Иван на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и как было. А Иванушке на печи захотелось на перстенок посмотреть: как приподнял он тряпку, избу всю так и осияло.

— Перестань, дурак, с огнем баловать! — крикнули на него братья. — Еще избу сожжешь. Пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать!

Дня через три идет от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться, а кто царским пиром побрезгует — тому голову с плеч.

Нечего тут делать, пошел на пир сам старик со всей семьей.

Пришли, за столы дубовые посадились; пьют и едят, речи гуторят.

В конце пира стала царевна медом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке последнему; а на дураке-то платьишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна рука грязной тряпкой завязана... просто страсть. |

— Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? — спрашивает царевна. — Развяжи-ка.

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень — так всех и осиял.

Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела к отцу и говорит:

— Вот, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким молодцом, что отец и братья глядят — и глазам своим не верят.